

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-98-115

Д.О. Чураков

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Российская Федерация в преддверии локальных войн: тенденции распада страны конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Статья посвящена анализу предпосылок возникновения локальных войн на постсоветском пространстве. Показано, что на разрушение единой государственности на рубеже 1980–1990-х гг. как на союзном, так и на республиканском уровнях действовали общие процессы разложения государственного аппарата, экономической и политической дезинтеграции, десовветизации и декоммунизации, потери управляемости вертикалью власти, криминализации, падения роли закона в регулировании общественной жизни и т.д. Делается вывод, что на уровне Российской Федерации разрушения государственного единства удалось избежать благодаря стечению обстоятельств, не связанных с позицией политиков, которые в изучаемый период стояли во главе как федеральной, так и республиканской власти.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, Россия, Российская Федерация, локальные войны, межнациональные конфликты, «война законов», «парад суверенитетов»

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты», № 18-09-00621 А.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Чураков Д.О. Российская Федерация в преддверии локальных войн: тенденции распада страны конца 1980-х – начала 1990-х годов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. С. 98–115. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-98-115

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-98-115

D.O. Churakov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Russian Federation on the eve of local wars: Tendencies of the country's disintegration in the late 1980s – early 1990s

The article is devoted to the prerequisites of local wars in the post-Soviet space. The author shows that the destruction of a unified state at the turn of the 1980–1990s both at the Union and at the republican levels was influenced by general processes of disintegration of the state apparatus, economic and political disintegration, de-Sovietization and decommunization, loss of control over the vertical of power, criminalization, the fall of the role of law in regulating public life, etc. It is concluded that at the level of the Russian Federation, the destruction of state unity was avoided due to a coincidence of circumstances not related to the position of politicians who were at the head of both federal and republican authorities during the period under consideration.

Key words: USSR, RSFSR, Russia, Russian Federation, local wars, interethnic conflicts, “war of laws”, “parade of sovereignties”

Acknowledgments. The article was written within the framework of the RFBR project “History of the Russian Federation participation in local hybrid wars in 1991–2008: genesis, geostrategy, results”, No. 18-09-00621 A.

FOR CITATION: Churakov D.O. Russian Federation on the eve of local wars: Tendencies of the country's disintegration in the late 1980s – early 1990s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 98–115. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-98-115

После демонтажа СССР и распада советского строя руководство Российской Федерации столкнулось с рядом проблем, которые прежде лежали на плечах союзного центра. Многие из этих проблем оказались особенно сложными для республиканского руководства, поскольку были обусловлены переменами, происходящими не только на территории России и постсоветского пространства, но и во всем мире. Как правило, эти проблемы являлись следствием передела глобальной мировой системы, передела мира, который был неизбежен после ликвидации СССР как геополитического центра силы, и носили комбинированный (гибридный) характер. Мир из биполярного трансформировался в однополярный. И на стыке различных интересов и устремлений оказалась молодая демократическая, как это заявлялось тогда, государственность РФ.

Среди множества подобного рода проблем одной из самых болезненных стала проблема большого количества локальных конфликтов и войн, в которые сразу же после обретения фактического суверенитета оказалась втянута РФ. Их изучение и анализ всегда находятся в фокусе внимания исследователей. Особый всплеск интереса к таким сложным формам локальных конфликтов произошел после украинских событий февраля 2014 г., когда вновь зашла речь о возобновлении «холодной войны», о «гибридных войнах» и т.п. Среди исследований, посвященных разнообразным аспектам изучения локальных конфликтов в современном мире, рождение которого правильнее всего относить к рубежу 1980–1990-х гг., можно выделить несколько значительных групп.

Так, ставились вопросы участия Российской Федерации в локальных конфликтах в методологическом плане. Здесь исследовали часто оказывались в непростой ситуации. Острый методологический кризис исторической науки после разрушения СССР, политическая ангажированность авторов негативно отразились на понимании и объективном изучении стратегических задач новой России. Понятия «национальные интересы», «государственные интересы», «защита стратегических интересов» на официальном уровне были отброшены как пережитки «великодержавного шовинизма» и «темного советского прошлого».

Во второй половине 1990-х гг. начались робкие поиски идеологии и стратегии восстановления державы. Публикации трудов представителей русской геополитической школы (А.Е. Снесарева, Д.А. Милютин, П.Н. Савицкий, А.А. Свечина и др.), формировавшейся на протяжении XIX – первых десятилетий XX вв., и их исследование позволили реанимировать забытые идеи и доктрины, обосновывавшие особые позитивные перспективы исторического развития России. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились первые комплексные работы современных авторов – Л.Г. Ивашова, Н.А. Нарочницкой, Е.М. Примакова и др., в том

числе труды с осмыслением участия РФ в локальных конфликтах с геополитического ракурса [14, с. 277–286 и др.].

Зарубежная *открытая* историография вопроса еще более противоречива и недостаточна. В значительной мере вопрос о стратегических интересах России в современном мире в зарубежной историографии, особенно в работах, опубликованных после 2014 г., рассматривается в реалиях холодной войны. Отчасти это связано с тем, что ее творцами часто оказываются практикующие геополитики, архитекторы локальных конфликтов в глобальном масштабе, такие, например, как Збигнев Бжезинский. С другой стороны, ряд исследователей подхватили евразийские доктрины в ключе «Евро–Россия», рассматривая нашу страну как полноправного участника большой европейской политики на континенте и противовес США. Среди них Ж. Тириар (Бельгия), М. Ларюэль, Ж. Парвулеско (Франция) и др. В ряде работ зарубежные авторы акцентируют внимание на участие СССР–России в локальных процессах как на результате происходящих в мире глобальных процессов (Ф.Дж. Данниген, О. Бэй, Р. Каплан) [Там же].

К локальным конфликтам, вызывающим наибольший интерес у российских авторов и общественности, относятся конфликты на Кавказе, Украине и др. Среди исследователей, активно занимающихся данной проблематикой, следует отметить В. Рунова, Н. Гродненского, М. Жирохова, И. Джадана и др. Значительный пласт информации по конкретным локальным конфликтам содержится в работах таких общественных деятелей, военных и политиков, как А.С. Куликов, В.В. Трошев, М.В. Леонтьев и др.

Кроме того, рассматривались отдельные вопросы, связанные с генезисом, развитием и результатами локальных конфликтов 1980-х – начала 1990-х гг., включая, конечно, вопрос о практике участия Российской армии в локальных конфликтах. Исследовались некоторые правовые моменты, связанные, например, со становлением нового российского федерализма. Прилагались определенные усилия, чтобы показать внешнее влияние на развитие конфликтов в нашей стране. Наконец, предпринимались попытки обобщить опыт наиболее значимых конфликтов. Среди авторов, следовавших этому направлению, можно отметить Д. Жукова, М. Жирохова и др. Однако эти работы, как правило, носят преимущественно нарративный характер и не выходят за рамки сугубо позитивистской методологии. Кроме того, многим обобщающим трудам присуща некоторая заостренность на военной составляющей [Там же].

Несмотря на то что военно-политическая тематика всегда классифицировалась как закрытая, а документы, связанные с ней, десятилетиями

пылились в специальных архивных хранилищах, материалов для изучения феномена локальных конфликтов и истории участия в них Российской Федерации в годы ее становления как независимого государства хватало. В частности, это многочисленные источники личного происхождения: мемуары, дневники, переписка участников событий и т.п. Немаловажным источником для детализации истории в локальных конфликтах на постсоветском пространстве и в самой Российской Федерации является пресса: на страницах многочисленных печатных изданий публиковались применяемые решения и официальные заявления участников событий. Видеоисточники, и в первую очередь интернет, тоже могут быть привлечены, но они еще более сложны для научного использования. Работая с ними, необходимо уметь отфильтровывать так называемый белый, или информационный, шум, сопровождающий каждое важное событие в современном мире. Вместе с тем методы исторической науки, источниковедения позволяют качественно обрабатывать все эти источники, выделяя надежную информацию, пригодную для выводов и обобщений.

В данной работе, являющейся частью более масштабного исследования, не ставится задача решить все вопросы, не в полной мере отраженные в историографии. Среди решаемых в статье задач – обобщение существующих взглядов на хронологию, причины и характер возникших на рубеже 1980–1990-х гг. конфликтов. Важно объяснить как природу возникновения локальных конфликтов на территории нашей страны, так и формы, в которых они проявились в новых исторических условиях. Наряду с этим в статье обращается внимание на тенденции развития СССР и Российской Федерации, способствовавшие нормализации или стабилизации ситуации в различных горячих точках, возникших в указанное время. Кроме того, косвенно затрагивается вопрос эффективности принимаемых управленческих решений в сфере локальных конфликтов и государственного единства.

Часть локальных вооруженных конфликтов досталась в наследство ельцинскому руководству еще с горбачёвских времен, когда союзный центр фактически перестал выполнять свои прямые обязанности, включая функцию центрального арбитра, призванного не допускать перерастания межнациональных трений в конфликты на межнациональной почве. Горбачёвское руководство последовательно игнорировало имеющиеся в его законном распоряжении методы предотвращения и снятия напряженности в горячих точках, включая не только силовые, но и прочие методы. Вместо решительных действий курс союзного центра сводился к имитации предпринимаемых шагов, полумерам, шатанию из стороны в сторону, как, к примеру, это происходило

в Азербайджанской ССР в 1990 г. [11, с. 27–77 и др.]. Закономерным результатом подобной близорукой политики стало превращение Советского Союза в обширную слабоуправляемую территорию локальных зон нестабильности. После заключения Беловежских соглашений с возникшими в ходе перестройки очагами нестабильности предстояло иметь дело уже властям Российской Федерации.

В силу специфики переходного времени перемены, происходившие в этнополитической сфере в начале 1990-х гг., нередко были напрямую связаны с процессами демонтажа СССР, а также создания системы новых федеративных отношений в самой РФ [3, с. 3]. Похожие процессы разворачивались и в некоторых других постсоветских государствах и государствах дальнего зарубежья, исторически связанных с Россией. И если в одних ситуациях на определенном уровне роста напряженности удавалось найти разумный компромисс, то в других попытки предотвратить обострение конфликта не имели успеха.

Например, в стане бывших ближайших союзников СССР совершенно по-разному сложилась судьба Чехословакии и Югославии. Если в первой межнациональные конфликты не привели к вооруженному противостоянию и 1 января 1993 г. страна мирно распалась на два самостоятельных карликовых государства – Чехию и Словакию, то рост этнополитических противоречий в Югославии стал питательным элементом одной из самых кровопролитных войн в современной европейской истории.

Похожие ситуации складывались и на постсоветском пространстве. В одних случаях взаимные или односторонние территориальные притязания не приводили к вооруженному противостоянию и завершались мирными договорами, как например, между Украиной и РФ. В других ситуациях бывшие союзные республики пошли по “балканскому” сценарию, что привело их к крупномасштабным боевым действиям, как это произошло, например, во взаимоотношениях между двумя республиками Южного Кавказа – Арменией и Азербайджаном.

Российская Федерация также стала геополитическим полем, на котором возникло сразу несколько горячих точек, при этом начальный этап становления «самостийной» российской демократической государственности оказался самым проблемным. Вопрос не сводился только к сложностям в территориально-национальном строительстве. Время, о котором идет речь, отмечено кризисными явлениями сразу в *нескольких сферах* общественной жизни, что создавало мощный кумулятивный эффект нестабильности и неопределенности [6, с. 35]. Провозглашение независимости Российской Федерации и строительство новой государственности в первой половине 1990-х гг. сопровождалось разрастанием

и обострением экономических, социальных и политических кризисов. На их фоне поиск нового типа федеративных отношений, отношений Москвы и регионов приобретал очень непростой, противоречивый характер.

Так, одним из факторов, определявших судьбу страны в тот период, становится возникший еще в последние годы существования СССР процесс, который получил название «войны законов» [8, с. 340–342]. Война законов имела ярко выраженный кумулятивный, комплексный, гибридный характер, включая в себя этнонациональные, политические, идеологические, экономические и прочие аспекты, вплоть до разногласий в трактовке очень давних и совсем свежих исторических событий (что получило название «войн памяти») [15, с. 421–431]. Это деструктивное явление на союзном уровне было поддержано ельцинским руководством в стремлении ослабить позиции горбачевского федерального центра. Во взаимоотношениях между СССР и союзными республиками война законов, помимо прочего, приняла форму опасного своими долгосрочными последствиями процесса, который в обществе окрестили «парадом суверенитетов».

«Парад суверенитетов», процессы суверенизации и война законов действительно ослабили союзный центр, но вскоре эти же процессы плавно перетекли на республиканский уровень, негативно отразившись на положении дел во многих союзных республиках. Особенно больно «парад суверенитетов» ударил по тем из них, где существовали свои автономии, в частности по Грузии и Украине. Возможно, не так явственно и радикально, но столь же неожиданно для большинства бывших жителей СССР сепаратистские настроения проявились в такой, казалось бы, «монолитной» союзной республике, как Азербайджанская ССР. В Азербайджане вопрос о самоопределении начали поднимать не только армяне, но и представители других этнонациональных групп – лезгины и талыши. Определенные местнические настроения возникали даже в населенной преимущественно азербайджанцами Нахичевани. Растущий в этой автономии сепаратизм был направлен и на союзный центр, что вылилось в принятии 19 января 1990 г. чрезвычайной сессией Верховного Совета Нахичеванской АССР постановления об объявлении независимости и выходе республики из состава СССР. Впрочем, дальше деклараций дело не пошло.

Важно заметить, что рост сепаратизма проявился даже в тех республиках, где прежде своих автономий не существовало. Так, например, в Молдавской ССР сразу два региона заявили о нежелании следовать в своем развитии за политикой официального Кишинева. Намеки на возможное обострение ситуации можно было видеть и в других

республиках, где имелись районы компактного проживания национальных меньшинств, в том числе русского населения, как это было в отошедшей к Эстонии русской Нарве или в переданных Казахстану районах Южного Урала и Сибири, где также значительную часть населения составляли русские.

Неудивительно, что опасные проявления суверенизации и «парада суверенитетов» наиболее остро и широко проявились в Российской Федерации – не только самой большой республике Союза, но и имевшей на своей территории наибольшее количество автономий. Конечно, далеко не все из них стремились стать полноценными государствами, а народы, населявшие их, не видели иного, как вне России, пути исторического развития. Но общая ситуация, сложившаяся в СССР и РФ, не позволяла руководству республик и автономий уклониться от принятия решений в сфере национально-государственного строительства, направленных именно в сторону усиления самостоятельности своих автономных образований.

Вместе с тем некоторые российские автономии вовсе не собирались оставаться статистами и были не просто готовы к деятельному вступлению в «парад суверенитетов», но и являлись его инициаторами, по крайней мере на уровне РФ.

Ситуация с российскими автономиями еще в прежние десятилетия существенно осложнялась после решительной критики В.И. Лениным так называемого «сталинского плана автономизации» и предложения им собственной концепции строительства революционной государственности (которая, по его мысли, в дальнейшем могла бы перерасти во всемирную). С того времени союзное государство выстраивалось как многослойное. В советской историографии считалось, что это стало основой равноправного развития советских народов [4, с. 83–90]. На практике же в сознании регионалов сложная ленинская конструкция означала неравноправность некоторых автономий в сравнении с другими. Наиболее явственно это ощущалось именно российскими автономиями, ряд которых (например, Татария, Башкирия, Удмуртия, Якутия) имели гораздо более обширные пространства, большую численность населения и экономическую мощь в сравнении с иными союзными республиками. У таких автономий РСФСР эпизодически возникало желание повысить свой статус. При этом повышение статуса означало выход автономии из состава РСФСР и прямое вхождение их в состав СССР на правах союзной республики. С подобными настроениями было связано возникновение в недрах правящей коммунистической партии первой оппозиционной группы, открыто стоявшей не на интернационалистских, а на националистических позициях, т.е. такого

внутрипартийного течения, которое в официальном лексиконе 1920-х гг. получило название «султан-галиевщины» [10, с. 313].

Особенно сложно стало объяснять ущемленный статус некоторых российских автономий после создания на базе российского Туркестана, а также ряда российских регионов Южной Сибири, Урала и Поволжья так называемой Казахской АССР и провозглашения 5 декабря 1936 г. ее союзного статуса. В условиях кризиса государственности конца 1980-х гг. для многих российских автономий подражание казахскому примеру было естественным и подпитывалось необходимостью сохранить стабильность хотя бы внутри самих автономий. Казалось, что начавшийся «парад суверенитетов» должен способствовать стремлению национальных элит наиболее развитых автономий РСФСР усилить свои позиции и перейти из российской в высшую – союзную – лигу.

При этом «парад суверенитетов» и война законов были только вершиной айсберга. Тенденции распада, обострения этнополитического противостояния оказались в РФ глубже и масштабнее, нежели простое стремление тех или иных субъектов федерации к большей самостоятельности в национальной, политической и экономической сферах. Многочисленные противоречия между центром и регионами накапливались десятилетиями, а у некоторых из них было даже более отдаленное прошлое, измеряемое столетиями. Таким образом, имевшие свои предьстории и свои предпосылки конфликты, в силу нарастания негативных тенденций, которыми сопровождалась перестройка и радикальные реформы начала 1990-х гг., совпали во времени, породив картину всеобщего кризиса в этнонациональной сфере, ставшую визитной карточкой эпохи обретения самостоятельности РФ. Энергия распада поставила под угрозу целостность не только самой федерации, но и ее отдельных субъектов.

Так, некоторые автономные образования, искусственным путем укрупненные в советское время за счет объединения двух (а то и более) часто совсем не родственных народов, оказались близки к внутреннему размежеванию. Наиболее остро вопрос о сохранении в целостности официальных границ автономии, пожалуй, стоял в Дагестанской АССР. Съезд народных депутатов республики 13 мая 1991 г. принимает постановление, в котором статус республики был резко повышен: из ДАССР она была преобразована в Дагестанскую ССР – Республику Дагестан в составе РСФСР. Вторая часть названия республики не случайна: она должна была снизить межэтническую напряженность в самом Дагестане, которая маскировалась фразой данного постановления об укреплении и приумножении исторически сложившихся единстве, дружбе и братстве народов Дагестана. Но при этом республика объявляла себя

«равноправным участником Договора о Союзе Суверенных Республик и Федеративного договора», т.е. заявляла о желании на равных с Россией подключиться к так называемому Новоогарёвскому процессу, в рамках которого вскоре должны были начаться «бракоразводные» процедуры и формирование новых механизмов объединения народов вместо прежнего СССР. На сохранение целостности республиканских границ Дагестана было нацелено также постановление Верховного Совета Дагестана от 17 декабря 1991 г. о неделимости и целостности республики [5].

Однако на практике это оказались лишь благие пожелания. В различных уголках Дагестана отчетливо проявились автономистские и сепаратистские настроения, которые приобретали особо опасный характер из-за слабости власти – союзной, российской и местной, собственно дагестанской. Не все благополучно было в Дагестане и с чеченской диаспорой. Заявили о себе политические силы, выступившие за образование собственного национального государства ногайцев, проживавших на севере Дагестана. На юге республики такие же движения возникли среди лезгин – народа, оказавшегося после роспуска СССР разделенным российско-азербайджанской государственной границей [2, с. 511].

В 1989 г. возникает так называемое Кумыкское народное движение «Тенглик». Оно провозглашает курс на обретение кумыками национально-территориальной автономии. Движение имело свои печатные издания – газеты «Тенглик», «Къумукъиш», «Къумукъ Тюз» и «Тюзюно Танги». На проходившем в ноябре 1990 г. в Махачкале II съезде Конгресса народов Дагестана была принята «Декларация о самоопределении кумыкского народа». Примерно в то же время начало создаваться еще более радикальное объединение – «Ватан», наладившее выпуск своего информационного бюллетеня, названного в духе времени «Айан» («Гласность»). На II съезде кумыкского народа, который проходил 27 января 1991 г., был сформирован Милли Меджлис, провозглашенный руководящим органом нации.

Реакцией на позицию чеченцев и кумыков стало образование в 1988 г. Народного фронта Дагестана имени имама Шамиля. Эта организация, формально защищавшая целостность республики, на деле превратилась в еще одно национальное движение, деятельность которого никоим образом не способствовала консолидации полиэтнического общества и преодолению межнационального недоверия.

Весьма тревожащим фактором развития Дагестана становится радикализация в нем исламского движения. В первые годы перестройки по всей республике прошли выступления верующих. Впоследствии в Дагестан начнут из-за рубежа просачиваться откровенно экстремистские течения, такие как ваххабизм. Адепты пришлых учений

конфликтовали не только с властями, но и с представителями традиционного для республики суфизма, что через неполные десять лет привело к вспышке в республике вооруженного противостояния [7, с. 497].

Напряжение не обошло стороной и Кабардино-Балкарию, титульные народы которой прошли совершенно разные исторические пути, а в советское время были объединены во многом искусственно. Аналогичным образом ситуация развивалась и в Карачаево-Черкессии. Изоляционистские настроения проявлялись и в республиках РСФСР, объединявших даже очень близкие народы. Наиболее далеко по пути внутриреспубликанского размежевания пошла вайнахская автономия, объединявшая два близких вайнахских народа – ингушей и чеченцев. Результатом стало выделение из состава Чечено-Ингушской АССР самостоятельной Чечни, сразу избравшей курс на выход из Российской Федерации. В этих условиях ингуши также создали свою самостоятельную государственность, но активного желания оказаться вне РФ они не выказывали. Проведенный среди ингушей референдум показал, что большинство этноса не поддерживает устремлений лидеров чеченских радикальных движений на выход из состава федерации. На основании полученных в июне 1992 г. результатов принимается решение об образовании Ингушской Республики в составе РФ [9, ст. 1307].

Таким образом, конфликта между двумя вайнахскими республиками в тот период не возникло. Однако для республик Северного Кавказа подобная ситуация была нетипичной. Так, уже вскоре после своего образования Ингушетия оказалась втянутой в острый территориальный конфликт еще с одной республикой в составе РФ – Северной Осетией. Сложность ситуации на Северном Кавказе объясняется прежде всего чересполосным расселением народов и существованием нескольких спорных территорий, на обладание которыми претендовали сразу два (а то и более) соседних этноса.

На рубеже 1980–1990-х гг. конфликтный потенциал проявился и в других регионах РСФСР. Так, растущие очаги противостояния обозначились в прежде сравнительно спокойном Волжско-Уральском регионе. Повышенной конфронтационностью, в частности, обладали Татария и Калмыкия. Даже в наиболее на тот момент стабильных республиках, таких как Удмуртия и Башкирия, не обошлось без возникновения националистических настроений и организаций.

Восточнее очагами возможных конфликтов становятся на какое-то время Бурятия и Тува. Особенно взрывоопасной представлялась обстановка в Якутии, где национализм титульной нации и законодательное закрепление ее преимуществ спровоцировали серьезное сопротивление наций, относимых в республике к национальным меньшинствам. Среди

них зрели не только протестные настроения, но и стремление к отделению и созданию собственных национально-государственных образований. Забайкалье и Дальний Восток становятся зоной нестабильности из-за притока на эти земли китайцев и отчасти корейцев, что уже тогда, т.е. треть века назад, вызывало опасения коренных жителей края [12, с. 296–304].

Более того, следует также признать, что автономистские настроения на рубеже 1980–1990-х гг. наблюдались не только в национальных регионах РФ, но и в областях, населенных преимущественно русскими. Причины таких настроений видятся в экономической нестабильности переходного периода и в стремлении защитить местные элиты, рынки и население от потрясений, которые ассоциировались с центром, а также с противоборством союзного и республиканских руководств. Позже к ним добавится борьба президентской и парламентской ветвей власти в самой Российской Федерации. Данные тенденции на Дальнем Востоке, например, заставили его жителей вспомнить о существовании на территории Приамурья и Восточной Сибири в 1920–1922 гг. независимого государства – Дальневосточной республики. В Сибири наиболее сильные местнические настроения фиксировались в Кемерове, Новосибирске, Омске и Красноярске. Отмечались устойчивые мнения в пользу создания автономной Уральской республики в составе Свердловской области. Рождались планы создания и «большой» Уральской республики, в которую, помимо Свердловской, могли бы войти Челябинская и Оренбургская области. Реальная попытка самопровозглашения Уральской республики произойдет летом-осенью 1993 г., но президент Б.Н. Ельцин заблокирует проведение референдума о ее создании, распустит местные органы Свердловской области, в которых местнические симпатии пустили наиболее глубокие корни, а все решения так называемой Уральской республики объявит не имеющими юридической силы.

Нестабильность и периодически обострявшиеся противоречия в этнополитической сфере налагали большую ответственность на лидеров РФ, требуя решения проблемы, с которой они в тот период справлялись далеко не всегда успешно. Таким образом, в условиях тех переломных месяцев угрозу целостности РФ представляли не только отмеченные выше центробежные настроения на местах, но и безответственная, непродуманная, непоследовательная, а часто просто авантюристическая национально-государственная политика российского руководства. Так, широко известный призыв Ельцина, впервые прозвучавший 6 августа 1990 г. в Казани: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» [1], подстегивал рост сепаратизма не только в Советском Союзе в целом, но и, в первую очередь, в самой РФ. Данная позиция

демократических российских властей не была в тот момент случайной. Наоборот, заявление Ельциным не было дезавуировано, а легло в основу практической политики российского руководителя, что наглядно подчеркивает его лояльное отношение к сепаратистским тенденциям рубежа 1980–1990-х гг., где бы они ни развивались.

Вместе с тем, и на это следует обратить особое внимание, в большинстве регионов РФ противоречия удавалось разрешать мирно. Например, на рубеже 1980–1990-х гг. в той же Казани местные политики уверенно вели республику к выходу из федерации. Дело дошло даже до чеканки собственных суррогатных денежных знаков¹. Но конфликт с Татарстаном был со временем преодолен посредством заключения договора о разграничении полномочий центра и республики (15 февраля 1994 г.) [13], который если не де-юре, то де-факто в отдельных своих положениях действует до сих пор. К тому же казанские власти с самого начала проводили мягкую политику и старались не выходить за рамки правового поля.

В заключение отметим, что пример взаимоотношений Казани и Москвы, а также другие аналогичные конфликты рубежа 1980–1990-х гг. показывают, что деструктивные процессы разрушения отечественной государственности на республиканском уровне в Российской Федерации протекали менее болезненно и решались более конструктивно в сравнении с тем, как это происходило на общесоюзном уровне. Вопрос, почему проявилась данная тенденция, в историографии исчерпывающего ответа пока не получил, да и сама тенденция, по непонятным причинам, не упоминается в исследованиях. В связи с этим проблема сравнительно более цивилизованного решения возникающих локальных конфликтов в РФ по сравнению с СССР в целом требует в будущем самостоятельного всестороннего исследования, что, по мнению автора, помогут сделать упомянутые выше материалы.

Предварительно, чтобы наметить маршруты будущих исследований и возможных дискуссий, в качестве рабочей гипотезы отметим, что одним из сдерживающих факторов на пути распада российского федеративного государства на республиканском уровне, безусловно, выступала правовая база, более адекватно регулировавшая национальные

¹ В качестве небольшого отступления напомним один малоизвестный, но весьма показательный факт. Чтобы не обострять и без того противоречивые отношения с федеральным центром, а заодно не будоражить население автономии, решено было выпустить монеты, но не полноценные, а символические. Государственную символику на них помещать не стали, но зато стилизованно изображалось то, чем республика славится: зерно и нефть. К выпуску этих монет серьезно и с большим интересом отнеслись за рубежом, сразу же объявив их символами *суверенного государства, равного с Россией*, с которой Татария якобы объединится в СНГ [16, с. 244–245].

и территориально-национальные отношения в РФ по сравнению с союзным законодательством. В частности, российское конституционное право однозначно решало вопрос о возможных формах самоопределения наций, входящих в РФ: право сецессии (выхода из состава государства) российское республиканское законодательство не предусматривало, что автоматически делало любые сепаратистские движения, направленные на полный разрыв с РФ, антиконституционными, выводя их за пределы правового поля. Данное обстоятельство в условиях острых этнополитических кризисов государственных институтов останавливало большинство активистов в отдельных российских регионах от скатывания к чрезмерному радикализму, что делало РФ более устойчивым и жизнеспособным организмом, нежели союзное государство позднего Горбачевского времени. Вместе с тем дальнейшее развитие Российской Федерации покажет, что большая сбалансированность и определенность законодательной базы – ресурс не бесконечный: в начале 1990-х гг. в Российской Федерации произойдет сразу несколько вооруженных конфликтов и усилится напряженность в некоторых регионах, где на предыдущем этапе, рассматриваемом в данной статье, удавалось добиться компромисса.

Понятно, что только к юридическим причинам относительная устойчивость Российской Федерации на рубеже 1980–1990-х гг. не сводится. Тем более что в условиях «войны законов» и «парада суверенитетов» право принимало весьма условный характер, а в зонах самих конфликтов оно, как было показано, вообще отступало на второй план. Однако доказать существование других факторов стабильности – политических, экономических, социальных, военных, дипломатических и других – пока не представляется возможным.

Вместе с тем можно видеть, что локальные конфликты на территории СССР и Российской Федерации на рубеже 1980–1990-х гг. возникали в результате общего ослабления государства, а поскольку государство и его правовое поле взаимосвязаны, то более надежная законодательная база существования Российской Федерации – в сравнении с союзной – должна учитываться при подведении итогов данного краткого анализа.

Также при подведении итогов следует отказаться от подхода к рассмотрению локальных конфликтов тех лет исключительно как межнациональных. Некоторые конфликты действительно имели такой характер. Но другие зоны напряженности возникали на базе экономического эгоизма, что показано на примере Уральского региона. К целому ряду конфликтов (не упомянутых в статье) привел рост ирредентистских настроений, но эти ситуации (в частности, в Крыму, на Донбассе, в Приднестровье) могут стать предметом отдельной работы. Другие

конфликты, такие как в Татарии и Якутии, принимая вид этнических, на самом деле имеют сложную природу, поскольку в их зарождении проглядывает существенная доля социально-экономических факторов. Кроме того, из проведенного в статье анализа видно, что лишь некоторые конфликты того времени стали следствием текущих причин. Корни многих других противостояний уходили глубоко в историю. Следовательно, природа локальных конфликтов была неоднозначной, а значит, при решении этих вопросов требовалась политическая гибкость. Однако, как показывают приведенные выше примеры, на рубеже 1980–1990-х гг. именно продуманности и гибкости не хватало ни союзному, не республиканскому руководству. В силу этого любой из рассмотренных выше или оставшихся за рамками настоящей статьи конфликтов тех лет мог привести к усугублению процессов дезинтеграции.

Выявленные в ходе проведенного исследования тенденции и явления позволяют наметить некоторый круг вопросов для дальнейшего изучения, а также для включения сделанных в статье выводов в более широкий научный и общественный контекст ведущихся в наши дни исследований. Чтобы привлечь внимание коллег к затронутой проблематике и способствовать активизации ведущихся в историографии дискуссий, в самых общих чертах наметим некоторые из них (в действительности возможный круг вопросов для дискуссий, скажем прямо, гораздо шире и требует иного уровня осмысления, а проблемы, обозначенные ниже, выделены лишь потому, что их осмысление уже ведется в настоящее время).

Так, результаты проделанного исследования непосредственно выводят на проблему разных условий, в которых формировались национальные элиты в СССР: в союзных республиках и в российских автономиях. Оказала ли воздействие разная правовая база (а также различия в экономических и некоторых других возможностях) на скорость созревания национальных элит и их способность отстаивать свои интересы перед союзным и республиканским руководством? Юридическая сторона процессов формирования региональных элит в настоящий момент изучается на региональном звене, а значит, пришло время обобщений более высокого уровня.

Другое направление будущих исследований, на которые выводят полученные в статье результаты, связано с общей ситуацией в мире. Были ли заинтересованы геополитические противники СССР в том, чтобы ситуация на постсоветском пространстве развивалась по югославскому варианту? Этот вопрос не освещен ни в одной из имеющихся на сегодняшний день научных работ. Также интересно выяснить, имелись ли у геополитических противников СССР и РФ иные возмож-

ности предотвратить превращение Северной Евразии в зону сплошных локальных конфликтов (по типу Югославии, некоторых областей Африки и Большого Ближнего Востока), кроме как помочь российским республиканским властям сохранить более или менее крупное государственное образование? Данная проблема затрагивается в нашей стране преимущественно в публицистическом плане, а позиция, к примеру, американских авторов по этому конкретному аспекту неоднозначна. Иными словами, возникает вопрос: можно ли Российскую Федерацию рассматривать как результат геополитической инженерии заокеанских талассократических «партнеров» политического руководства нашей страны обсуждаемого в статье времени? Эти и другие не менее значимые вопросы могут и должны стать основой для продолжения исследований, начатых в данной статье, хотя, возможно, уже в рамках других исследовательских проектов и силами других авторских коллективов.

Библиографический список / References

1. Ельцин Борис: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Ельцин-центр. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit> (дата обращения: 11.04.2019) [Boris Yeltsin: “Berite stolko suverineteta, skolko smozhete proglotit”] [Boris Yeltsin: “Take as much sovereignty you can swallow”]. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit> (access date: 11.04.2019).]
2. Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М., 2019. [Vdovin A.I. Russkaya natsiya v XX veke (russkoye, sovetsskoye, rossiyskoye v etnopoliticheskoy istorii Rossii) [Russian nation in the XX century (Russian, Soviet, Russian in the ethnopolitical history of Russia)]. Moscow, 2019.]
3. Гродненский Н.Н. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. Мн., 2004. [Grodzenskiy N.N. Neokonchennaya voyna. Istoriya voooruzhonnogo konflikta v Chechne [The unfinished war. History of the armed conflict in Chechnya]. Minsk, 2004.]
4. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012. [Grosul V.J. Obrazovaniye SSSR (1917–1924 gg.) [The formation of the USSR (1917–1924)]. Moscow, 2012.]
5. Декларация «О неделимости и территориальной целостности Республики Дагестан» // Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. Т. I. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов / Ред. М.Н. Губогло, В.Ф. Грызлов. М., 1993. [Declaration “About the indivisibility and territorial integrity of the Republic of Dagestan”. *Dagestan: etnopoliticheskii portret. Ocherki. Dokumenty. Khronika*. Vol. I. Ethnopolitical situation in essays and documents of state bodies. M.N. Guboglo, V.F. Gryzlov (eds.). Moscow, 1993. (In Russ.)]

6. Корнеев В.В. Россия: движение вспять (от государственного социализма к периферийному капитализму). Новейшая история страны. М., 2010. [Korneyev V.V. Rossiya: dvizheniye vspyat (ot gosudarstvennogo sotsializma k periferiynomu kapitalizmu). Noveyshaya istoriya strany [Russia: Movement backwards (From state socialism to peripheral capitalism). Modern history of the country]. Moscow, 2010.]
7. Куликов А.С., Рунов В.А. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. М., 2013. [Kulikov A.S., Runov V.A. Vse Kavkazskiye voyny Rossii. Samaya polnaya entsiklopediya [All the Caucasian wars of Russia. The most complete encyclopedia]. Moscow, 2013.]
8. Начало войны законов // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 340–342 [The beginning of the war of laws. *Nesostoyavshiyusa yubiley. Pochemu SSSR ne otrazdnovoval svoeyego 70-letiya?* Moscow, 1992. Pp. 340–342. (In Russ.)]
9. Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации // Ведомости Съезда Народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. № 24. 18.06.1992. [About formation of the Ingush Republic as a part of the Russian Federation. *Vedomosti Sezda Narodnykh Deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. No. 24. 18.06.1992. (In Russ.)]
10. Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1973. [Ocherki istorii partiynoy organizatsii Tatarii [Essays on the history of the party organization in Tatar]. Kazan, 1973.]
11. Платонов А.М. Тайная война против СССР и России. Начальник 1 отдела по борьбе с терроризмом УБТ ФСБ РФ о лихих 90-х. М., 2016. [Platonov A.M. Taynaya voyna protiv SSSR i Rossii. Nachalnik 1-go otdela borby s terrorizmom UBT FSB RF o likhikh 90-kh [Secret war against the USSR and Russia. Head of the 1st Counter-terrorism Department of the Federal Security Service of the Russian Federation on the dashing 90's]. Moscow, 2016.]
12. Степанов В.В. Очаги межнациональной напряженности: реальность и прогноз // Вестник Российской Академии наук. М., 1994. Т. 64. С. 296–304. [Stepanov V.V. Hotbeds of interethnic tension: Reality and forecast. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. Moscow, 1994. Vol. 64. Pp. 296–304. (In Russ.)]
13. Харламов С. Суверенитета – сколько хочешь: как Ельцин и Шаймиев удержали Татарстан // RUPOSTERS. URL: <https://ruposters.ru/news/19-12-2017/kak-eltsin-shaimiev-yderzhali-tatarstan> (дата обращения: 17.01.2020) [Sovereignty – skolko khochesh: kak Yeltsin i Shaymiev uderzhali Tatarstan [Sovereignty – as much as you want: How Yeltsin and Shaimiev held Tatarstan]. URL: <https://ruposters.ru/news/19-12-2017/kak-eltsin-shaimiev-yderzhali-tatarstan> (access date: 11.04.2019). (In Russ.)]
14. Чураков Д.О. Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны России // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. Ч. 2. С. 277–286. [Churakov D.O. The latest historiography of counteraction to modern local hybrid wars from Russia. *Prepodavatel XXI vek*. 2017. No. 2. Part 2. Pp. 277–286. (In Russ.)]
15. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом / Под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 421–431. [Churakov D.O. “Wars

of memory” and local conflicts of our time. *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom*. K.A. Pahalyuk (ed.). Moscow; St. Petersburg, 2018. Pp. 421–431. (In Russ.)

16. Чураков Д.О. История российских окраин в нумизматике. Беседы о территориальных, национальных и военных выпусках российских монет и иностранных монетах, связанных с историей России. М., 2012. [Churakov D.O. Istoriya Rossiyskikh okrain v numizmatike. Besedy o territorialnykh, natsionalnykh i voyennykh vypuskakh rossiyskikh monet i inostrannykh monetakh, svyazannykh s istoriyey Rossii [History of Russian suburbs in numismatics. Conversations about territorial, national and military issues of Russian coins and foreign coins related to the history of Russia]. Moscow, 2012.]

Статья поступила в редакцию 25.06.2020, принята к публикации 02.08.2020
The article was received on 25.06.2020, accepted for publication 02.08.2020

Сведения об авторе / About the author

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Dmitry O. Churakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: do.churakov@mpgu.su